

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН
ЛЕ ФАНЮ

Рассказы
о привидениях

МОСКВА
2024

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44
Л33

Joseph Sheridan Le Fanu

Перевод с английского
Елены Токаревой, Людмилы Бриловой, Веры Ахтырской
Оформление серии *Н. Ярусовой*

Ле Фаню, Джозеф Шеридан.
Л33 Рассказы о привидениях : [перевод с английского] /
Джозеф Шеридан Ле Фаню. — Москва : Эксмо, 2024. —
640 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-196356-9

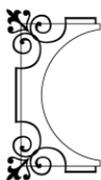
Джозеф Шеридан Ле Фаню — признанный мастер готической прозы. Его роман «Кармила» стал знаковым для мировой литературы.

Это сборник ледящих душу историй, которые погрузят вас в мир потустороннего и неопознанного. В своих захватывающих дух рассказах Ле Фаню мастерски создает неповторимую атмосферу напряжения и страха, смешивает ужас и мистику.

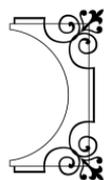
УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-04-196356-9

© В. Ахтырская, перевод на русский язык, 2024
© Л. Брилова, перевод на русский язык, 2024
© Е. Токарева, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ТАЙНА ГОСТИНИЦЫ «ПАРЯЩИЙ ДРАКОН»

Глава I В ПУТИ

В тот достопамятный 1815 год, когда гений Веллингтона в битве при Ватерлоо развеял в прах последние воспоминания о «Ста днях», мне исполнилось двадцать три. Я унаследовал значительную сумму в консолидированной ренте и других ценных бумагах. В Европу, освобожденную от наполеоновского владычества, хлынул поток английских путешественников, стремящихся расширить свой кругозор. Не остался в стороне и я.

Я следовал на почтовых из Брюсселя в Париж, придерживаясь дороги, по которой считанные недели назад армия союзников гнала разбитые остатки наполеоновского войска. Движение на ней было чрезвычайно оживленным. Бросив взгляд вперед или обернувшись, вы непременно замечали вдалеке облачко пыли, отмечавшее маршрут попутной кареты. Навстречу то и дело попадались почтовые лошади, пыльные и загнанные, возвращающиеся на постоянные дворы, откуда они были наняты. Для держателей придорожных таверн наступили жаркие деньки. Казалось, весь мир устремился в Париж.

К сожалению, не могу точно описать место, где начались мои необычайные приключения. Мысли мои были целиком заняты предстоящими каникулами в Париже, и я уделял непростительно мало внимания пейзажу, проплывавшему за окнами кареты. Могу лишь весьма приблизительно сообщить, что место это находилось милях

в четырех от окраины живописного городка, название которого я запомнил.

Часа за два до заката мы поравнялись с экипажем, попавшим в беду.

Карета была цела, но две передние лошади лежали без движения. Форейторы в высоких сапогах распутывали постромки, на помощь им спешили двое растерянных слуг, явно впервые оказавшихся в такой переделке. В окне кареты виднелась прелестная головка в розовой шляпке. На мгновение обрисовалась изящная линия плеч. Я решил взять на себя роль доброго самаритянина: остановил коляску, соскочил на землю и в сопровождении слуги протянул несчастной руку помощи. Увы! Под шляпкой дама носила плотную черную вуаль. Я не разглядел ничего, кроме тонкого рисунка брюссельских кружев.

В тот же миг из окна выглянул худощавый пожилой джентльмен. Он производил впечатление тяжелобольного человека, так как даже в этот жаркий день укутался до самого носа в толстый черный шарф, полностью скрывавший нижнюю часть лица. Джентльмен приподнял шляпу, опустил на мгновение плотный шарф и рассыпался в благодарностях. Говорил он на хорошем французском языке и оживленно жестикулировал.

Помимо успехов в боксе, которому в те годы обучался каждый англичанин, я могу похвастать разве что хорошим знанием французского языка. Ответ мой, горячо надеюсь, не содержал грамматических ошибок. Раскланявшись, старый джентльмен скрылся в карете, и моим взорам снова предстала очаровательная головка в скромном чепце.

Дама, должно быть, слышала, как я разговариваю со слугой, так как обратилась ко мне на прелестном ломаном английском. Голос ее звучал так нежно, что я снова и снова проклинал черную вуаль, подогревавшую мой романтический интерес.

Герб, нарисованный на дверце кареты, поразил меня своей необычностью. Особенно бросилась мне в глаза ос-

новая деталь: карминно-красный аист на желтом фоне, который называется золотым полем. Птица стояла на одной ноге и в когтях другой держала камень. Если не ошибаюсь, в геральдической символике существо это олицетворяет бдительность. С боков щит поддерживали фигуры каких-то животных, но они мне не запомнились.

Изысканные манеры незнакомцев, богатые ливреи слуг, роскошная карета, герб на дверце — все убеждало меня в том, что попутчики мои — люди знатного происхождения.

Как вы понимаете, после такой догадки незнакомая дама отнюдь не потеряла в моих глазах привлекательности. Благородный титул дает богатую пищу для воображения. Я не имею в виду жалких снобов и лакейские душонки. Превосходство в рождении — мощная движущая сила любви. Знатность в нашем представлении неразрывно связана с утонченностью. Мимолетная реплика богатого сквайра дальше продвинет его на пути к сердцу хорошенькой молочницы, чем добропорядочный селянин сумеет пройти за долгие годы ухаживаний. Воистину, мир устроен несправедливо!

Но эта случайная встреча таила в себе нечто большее. Я был недурен собой и знал это. Даже если вы полагаете, что я хвастаюсь, нельзя отрицать, что росту во мне около шести футов. Почему незнакомая дама столь горячо благодарила меня? Разве недостаточно благодарностей, которые выразил мне ее муж — я пришел к выводу, что пожилой дженльмен был ее супругом. Я инстинктивно чувствовал, что дама окидывает меня не совсем равнодушным взглядом; власть его я ощущал даже через вуаль.

Карета отъехала, вздымая шлейф пыли, а некий легкомысленный юноша проводил ее горящим взором и глубоко вздохнул.

Я велел форейторам следовать за каретой, не выпуская ее из виду, и остановиться возле той же почтовой станции, что и незнакомцы. Вскоре мы въехали в небольшой городок. Карета остановилась возле уютной старинной гости-

ницы, название которой переводилось как «Прекрасная звезда». Незнакомка под руку с пожилым джентльменом вошла в дом.

Мы неторопливо следовали за ними. Я спешил и с самым беспечным видом взшел на крыльцо.

Самонадеянность сослужила мне дурную службу: мне и в голову не пришло поинтересоваться, в каком номере остановились мои попутчики. Я заглянул в комнату справа от моей, затем слева. Их нигде не было.

Я поднялся на этаж выше. Дверь гостиной была открыта. Напустив на себя самый беззаботный вид, я вошел. В просторной комнате, кроме меня, был всего один человек — очаровательная женщина в той самой шляпке, что в дороге свела меня с ума. Дама стояла ко мне спиной и читала письмо; я не сумел разглядеть, поднята вуаль или опущена.

Я остановился на пороге, не сводя с нее глаз в смутной надежде, что дама обернется и я увижу ее лицо. Но знакомка не замечала меня; дочитав письмо, она присела к изящному столику, на котором стояло зеркало в потускневшей раме.

В зеркале отразилась женщина необычайной красоты. Не зная я правды, я мог бы принять ее отражение за портрет, написанный рукой великого мастера.

Она сосредоточенно читала письмо, крепко сжатое в тонких пальцах. Овальное лицо было исполнено легкой грусти и в то же время светилось затаенной чувственностью. Никогда я не встречал таких тонких черт, таких нежных красок. Глаза ее были опущены, и я не видел, какого они цвета, лишь любовался длинными пушистыми ресницами и тонкой линией бровей. Должно быть, письмо было очень интересное — она сосредоточенно замерла, затаив дыхание, и походила на раскрашенную статуэтку.

Зрение мое в молодости отличалось завидной остротой. Я видел это прелестное лицо совершенно отчетливо, разглядел даже тонкие голубые жилки, сбегающие вдоль стройной шеи.

Будь я немного благоразумнее, я бы тотчас исчез, постаравшись остаться незамеченным. Но я так залюбовался прелестной незнакомкой, что совсем потерял счет времени. Когда я очнулся, было уже поздно: она подняла глаза. Они оказались большими, того редкого оттенка, какой поэты называют фиалковым.

Огромные печальные глаза надменно взирали на меня из зеркала. Незнакомка вздрогнула и быстро опустила вуаль.

Мне показалось, что она хочет остаться незамеченной. Я же ловил каждый ее взгляд с таким вниманием, словно от мановения ее руки зависел мой смертный приговор.

Глава 2

ВО ДВОРЕ ГОСТИНИЦЫ «ПРЕКРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

Я влюбился в незнакомку с первого взгляда. Да и как было не влюбиться в такую красавицу? Чувство это поразило меня, как удар грома; я по-прежнему жаждал узнать, кто она такая, но теперь мною руководило нечто большее, чем просто любопытство. Я растерял всю свою самонадеянность; мое непрошеное присутствие в одной с ней комнате казалось мне непростительной дерзостью. Но она тотчас развеяла мои сомнения, холодно заявив по-французски:

— Месье, вы, вероятно, не знаете, что эта зала не предназначена для широкой публики.

Однако голос ее звучал по-прежнему нежно и певуче. Я низко поклонился, произнес подобающие извинения и попятился к двери.

Должно быть, вид у меня был смущенный и виноватый, потому что она, словно пытаясь сгладить резкую отповедь, добавила:

— Тем не менее я рада, что могу еще раз выразить вам благодарность за помощь, такую своевременную и необходимую.

Слова ее звучали холодно, однако смягчившийся тон придал мне храбрости. Она имела все основания забыть случайного встречного, но все-таки она узнала меня и даже сочла нужным тотчас же за кратким упреком еще раз выразить благодарность, в чем не было никакой формальной необходимости.

Эти соображения чрезвычайно льстили моему самолюбию.

Голос ее звучал тихо и робко, она на мгновение обернулась ко второму выходу из комнаты. Мне представилось, что в дверях вот-вот появится ревнивый муж в черном парике. Я не обманулся в своих опасениях: в коридоре послышался гнусавый пронзительный голос, тот самый, что час назад рассыпал мне благодарности из окна кареты. Старик сердито отдавал слугам какие-то распоряжения.

— Месье, настоятельно прошу вас удалиться, — с мольбой произнесла она и сделала знак рукой. Низко поклонившись, я вышел и закрыл дверь.

Ликуя, я сбежал по лестнице и внизу столкнулся с хозяином гостиницы.

Я описал ему комнату, из которой только что вышел, сказал, что она мне очень понравилась, и поинтересовался, не могу ли я снять ее.

Очень жаль, ответил хозяин, но эта комната и две соседние уже заняты.

— Кем?

— Знатными особами.

— Но кто они такие? Должны же у них быть имена и титулы?

— Без сомнения, сударь, но сейчас в Париж стремится столько народу, что мы не успеваем спрашивать у постояльцев имена и титулы — просто запоминаем комнаты, которые они заняли.

— Надолго они остановились?

— Не могу ответить даже на этот вопрос. Мы не спрашиваем у постояльцев таких вещей. Пока гости живут у нас, мы не можем заставить их освободить номера.

— Но мне так понравились эти комнаты! Одна из них, наверное, спальня?

— Да, сэръ; как вы знаете, гости обычно не занимают спальни, если не собираются остаться на ночь.

— Что ж, но другие свободные комнаты у вас есть? В любой части здания?

— Разумеется, у меня остались два незанятых номера. Можете, сударь, выбрать любой из них.

— Хорошо, я остаюсь.

Было ясно, что незнакомцы намерены остановиться здесь. По крайней мере, они не собираются уезжать до утра. Я с головой погрузился в неожиданный роман.

Я вошел в свою комнату и выглянул в окно. Оно выходило в гостиничный двор. В стойлах вдоль стен отдыхали взмыленные лошади, освобожденные от постромков, другие, свежие и отдохнувшие, готовились в путь. Мостовая была запружена экипажами — преобладали роскошные кареты, принадлежавшие богатым дворянам, но встречались и наемные, наподобие моей, предназначенные для среднего класса, у нас в Англии такие экипажи называют почтовыми. От кареты к карете, меняя лошадей, суетливо бегали слуги; те, кто не был занят работой, смеясь, прохаживались по двору. Настроение царило оживленное и приподнятое.

Я заметил среди экипажей знакомую дорожную карету и узнал одного из слуг тех самых «знатных особ», что вызывали у меня столь глубокий интерес.

Я бегом спустился по лестнице, распахнул заднюю дверь и очутился на бугристой мостовой. Вокруг кипело деятельное оживление, переполнявшее в те бурные дни все постоянные дворы.

Солнце клонилось к закату. Его лучи золотили кирпичные каминные трубы; бочки на шестах, служившие голубятнями, пылали, будто охваченные пожаром. В ярких лучах солнца даже самые скучные предметы, на которые в серых рассветных сумерках мы не обратили бы внимания, начинают играть чудесными красками.

Побродив по двору, я подошел к заинтересовавшей меня карете. Слуга запирает дверцы на замок. Я помолчал, разглядывая дверной герб.

— Какой красивый символ — алый аист! — заметил я. — Знатное, должно быть, семейство?

Слуга положил ключ в карман, поднял глаза на меня и саркастически улыбнулся:

— Сами можете догадаться.

Нимало не обескураженный, я применил действенное средство, безотказно развязывающее язык, — так называемые «чаевые».

Слуга взвесил в руке наполеондор, перевел взгляд на мое лицо. В глазах его светилось неподдельное изумление.

— Как вы щедры!

— Не стоит. В этой карете прибыл пожилой джентльмен с дамой. Скажи, кто они такие. Как ты помнишь, я и мой слуга помогли вам сегодня в дороге, когда лошади упали.

— Нам велено называть этого господина графом, а молодую даму — графиней, но я не знаю, кто она ему — жена или дочь.

— Где они живут?

— Клянусь честью, господин, не знаю.

— Не знаешь, где живет хозяин? Да знаешь ли ты о нем хоть что-нибудь, кроме имени?

— Почти ничего, господин. Меня наняли в Брюсселе в день отъезда. Вот месье Пикар, лакей господина графа, состоит у него на службе много лет и знает об этой семье все, но он ни с кем не разговаривает, разве что отдает нам приказания. От него я ничего не выведал. Но мы, слава богу, едем в Париж, а уж там-то я быстро все разузнаю. А пока что мне известно о господине графе не больше вашего.

— Где я могу найти месье Пикара?

— Ушел к точильщику выправить бритвы. Но не думаю, что он что-нибудь расскажет.

Моя золотая монета принесла скудный урожай. Похоже, слуга говорил правду; владеет этот пройдоха хоть одной

семейной тайной, он с удовольствием выдал бы ее. Я вежливо откланялся и снова поднялся в комнату.

Я вызвал слугу. Он приехал со мной из Англии, однако по рождению был француз — шустрый парень, он знал все ходы и выходы и мгновенно находил с соотечественниками общий язык.

— Сен-Клер, запри дверь и подойди сюда. Мне необходимо узнать кое-что о знатных господах, занимающих комнаты под моей. Вот тебе пятнадцать франков; разыщи слуг, которым мы помогали в пути, угости их ужином, а по возвращении расскажешь мне все, что знают они. Я уже беседовал с одним из них — он ничего не мог сказать. Другой — забыл, как его зовут, — лакей нашего дворянина. Вот его можно попытать как следует. Меня интересует, разумеется, высокородный граф, а не его молодая спутница, понятно? Выспроси все до последней мелочи и передай мне слово в слово. Понял? Беги!

Такое поручение как нельзя лучше соответствовало характеру и наклонностям моего бесценного Сен-Клера. Я давно привык в обращении с ним придерживаться того фамильярного тона, какой в старинных французских комедиях допускается между господином и слугой.

Не сомневаюсь, что втайне он посмеивался надо мной, однако держался вежливо и почтительно.

Многозначительно подмигнув и пожав плечами, он удалился. Я выглянул в окно и увидел, как он с невероятной быстротой пробирается по двору. Вскоре он исчез среди экипажей.

Глава 3

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ ВСЕГДА ВДВОЕМ

Когда день клонится к закату, а человеку печально и одиноко, когда его снедает лихорадочное нетерпение, когда минутная стрелка ползет медленно, как часовая, а часовая вообще застывает на месте, когда истомленный скукой бедолага зевает, барабанит пальцами по подокон-

нику, расплющивает нос о стекло, насвистывает ненавистные песенки, короче говоря, не знает, куда себя деть, остается лишь сожалеть, что строгие светские правила не позволяют устраивать роскошный обед из трех блюд более одного раза в день.

Однако в те дни, к которым относится мое повествование, ужин все еще считался весьма существенной трапезой. К счастью, его время приближалось. Однако надо было чем-то занять себя на оставшиеся три четверти часа.

Я взял с собой в дорогу две-три неприятзательные книжки, однако сейчас у меня не было настроения читать. Нераскрытый роман валялся на диване рядом с пледом и тростью; я бы и бровью не повел, если бы герой вместе с героиней утонули в огромной бочке с водой, что стояла под моим окном.

Я пару раз прошелся по комнате, вздохнул, посмотрел в зеркало, поправил пышный галстук, завязанный по последней моде, надел светло-коричневый жилет и синий фрак с позолоченными пуговицами, смочил носовой платок одеколоном (в те времена парфюмерия не баловала нас разнообразием ароматов), аккуратно уложил волосы, которыми втайне гордился. Ныне голова моя сверкает гладкой розовой лысиной, а от выющейся темно-каштановой шевелюры осталась лишь дюжина-другая седых волосков. Но не будем вспоминать о грустном. В те годы, как я уже сказал, у меня были густые темно-каштановые кудри, и я уделял туалету немало внимания. Я увенчал свою легкомысленную голову изысканной шляпой, чуть сдвинув ее набекрень под тем самым углом, какой ввел в обиход бессмертный император. «Завершили мое облачение», выражаясь языком сэра Вальтера Скотта, пара тонких французских перчаток и элегантная тросточка, только что вошедшая в моду.

Столь тщательные приготовления к обычной прогулке по двору захолустной гостиницы могут показаться странными. Я предпринял их исключительно ради прекрасных глаз, которые видел единственный раз в жизни и не мог бы забыть до конца дней своих. Короче говоря, я питал смут-

ную надежду на то, что эти глаза хоть на миг остановятся на изысканном наряде несчастного влюбленного и составят о нем мало-мальски приятное впечатление.

Тем временем начало темнеть; последний солнечный луч угас, в комнате воцарились сумерки. Я тяжело вздохнул и выглянул в окно. Окно этажом ниже также оказалось открыто; до меня донеслись приглушенные голоса. Граф и графиня увлеченно спорили о чем-то, однако я, как ни старался, не мог разобрать ни слова.

Я сразу узнал голос мужчины, гнусавый и пронзительный. Такой голос трудно с чем-то спутать. Отвечал ему голос тихий и нежный, тот самый, что ранил мое сердце. Разговор продолжался недолго: мужчина захохотал с дьявольской язвительностью и отошел от окна. Теперь я почти не слышал его.

Женщина, судя по голосу, чуть отступила в глубь комнаты, но по-прежнему оставалась недалеко от окна.

Беседа происходила отнюдь не на повышенных тонах. О, я готов был все отдать за то, чтобы это была ссора, жесткая ссора и я смог бы выступить в роли защитника неправомерно обиженной красавицы! Увы! Судя по тону разговора, пара эта была самой дружной и мирной. Через мгновение дама принялась напевать старинную песенку. Нет нужды напоминать, что пение, даже негромкое, разносится куда дальше, чем спокойно произнесенная речь. Я сумел разобрать слова песни. Голос у незнакомки был приятный и нежный; если не ошибаюсь, такой голос называется «полуконтральто». В интонациях было что-то жалобное и, как мне показалось, насмешливое. Я попытался перевести слова песни, пусть неуклюже, зато достаточно точно:

Любовь и Смерть всегда вдвоем —
Ждут путника в засаде.
И ночью, и весенним днем
Сулят ему усладу.
Жаркий шепот, нежный взгляд —
И закрылась клетка.
Смерть с Любовию разят
Из засады метко.